

137
28

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

1-е ИЗДАНИЕ

**НАША
ГАЗЕТА**

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЯ

2 месяца . . 1 р. 50 к.
1 " . . . — 75 "

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на ноябрь—декабрь

2-е ИЗДАНИЕ

**НАША
ГАЗЕТА**

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
журн. „ВОКРУГ СВЕТА“

2 месяца . . 1 р. 70 к.
1 " . . . — 85 "

3-е ИЗДАНИЕ

**НАША
ГАЗЕТА**

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
журн. „ОГОНЕК“

2 месяца . . 2 р. 10 к.
1 " . . . 1 „ 05 "

4-е ИЗДАНИЕ

**НАША
ГАЗЕТА**

С ПРИЛОЖЕНИЯМИ
„ВОКРУГ СВЕТА“
И „ОГОНЕК“

2 месяца . . 2 р. 30 к.
1 " . . . 1 „ 15 "

2-х
недельный
журнал

АКТИВИСТ

подписка принимается вместе с под-
пиской на „НАШУ ГАЗЕТУ“ при
доплате 30 коп. в мес.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

3 м. — 1 р. 05 к. и 6 м. — 2 р. 10 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ на октябрь—декабрь

Адрес редакции: Солянка, 12, III этаж, комн. 336, тел. 5-84-38.

Заказы и деньги адресуйте: Москва, Солянка, 12.

№ 21

1929.

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О пятилетнем плане	1
Подарок к XII годовщине	2
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ	
Р. Вексман — Пятилетка и унитарная	4
Т. Юдин — Стандартизация копировальной бумаги	6
И. Дауман — Какой должна быть советская пишмашина	8
Р. Руднева — Ни одного клочка неиспользованной бумаги	11
А. П. — Восстановление копирки	12
ТРУД И БЫТ	
С. Коврин — Те, о которых нужно говорить	13
Е. Ле-на — Машинистки — на литературную работу	16
О. К-ва — Еще две выдвиженки	18
Н. Разгильдеев — Съездовый стенограф в Красной армии	19
ЗА РУБЕЖОМ	
Установим международную связь	22
Роза Х. — Письмо из Праги	22
Франц Коричонер — Требуется белокурая стенотипистка	23
Израилевич — „Пробуждение стенотиписток“	24

В первых числах декабря состоится в Москве

ВТОРОЙ ВЕЧЕР

СОВЕТСКОЙ МАШИНИСТКИ

О ДНЕ И ПРОГРАММЕ ВЕЧЕРА БУДЕТ СООБЩЕНО В „НАШЕЙ ГАЗЕТЕ“,

подробности можно также узнать в редакции журнала —
телефон — Дворец труда, доб. 411.

СТЕНОГРАФИЯ И МАШИНОПИСЬ

ЦК
ПРОФСОЮЗА
СОВТОРГСЛУЖАЩИХ

Ноябрь № 21

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-
ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

Год издания седьмой

1929

О пятилетнем плане

Мы только что отпраздновали XII годовщину Октября. Это торжество прошло под неслыханными в мире лозунгами, под лозунгами превращения пятилетки в четырехлетку. Празднование XII годовщины Октября показало, что социалистическое строительство близко широкому рабочим массам, что они прилагают все усилия к тому, чтобы ускорить его, чтобы еще более усилить темпы.

Результатом роста активности масс явилось то обстоятельство, что план первого года в основном выполнен с превышением заданий пятилетнего плана по ряду важнейших отраслей народного хозяйства. Продукция крупной социалистической промышленности возросла на 23,7 проц. против 21,4 проц., запроецированных по пятилетке. Мы имеем коренной сдвиг в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, выразившийся в бурном росте колхозов. Небывалый темп коллективизации превзошел все, самые оптимистические проектировки и свидетельствует о том, что в движении вслед за бедняцкими хозяйствами пришли и подлинные массы середняцких хозяйств. Все предсказания правых оппортунистов о трудностях социалистического строительства, о непосильности плана пятилетки оказались битыми. Итоги истекшего хозяйственного года подтвердили правильность политики партии и окончательно доказали банкротство позиций правых уклонистов.

Лозунг о превращении пятилетки в четырехлетку стал уже близким и весьма популярным в широких рабочих массах. Если еще не так давно пятилетний план социалистического строительства был достоянием всего лишь небольшой группы работников: специалистов, экономистов, руководящих партийных работников, то сейчас мы являемся свидетелями того, как цифры пятилетки проникают в гущу масс.

Придите на фабрику, на завод. Там уже не редкость встретить рабочего, который имеет весьма ясное представление не только о том, как должен вырасти завод, на котором он работает, но и вся та отрасль промышленности, в которой он занят. Он отдает себе отчет в том, куда нас ведет 5-летний план.

Имеет ли мы такое положение в учреждениях, в кооперативах, в торговых предприятиях. К сожалению, значительно реже. До массы служащих пятилетка еще не дошла и это относится в значительной мере и к группе машинисток. Спросите у машинисток Госторга, что из себя представляет 5-летний план и какое место, в частности, там отводится государственной торговле: не каждая вам ответит на этот вопрос. Больше того, у определенной части работниц существует убеждение, что их дело — только печатать, а заниматься остальным им недосуг.

Это в корне неправильная точка зрения. В том, что она еще не выбита из умов наших работниц, повинны и печать и союз. Мы еще слишком мало сделали для того, чтобы рассказать машинистке, что означает пятилетний план.

Может ли она гореть желанием его осуществить, может ли она драться за это осуществление, если ей неизвестно его содержание. Мы боимся запугать машинисток цифрами, которые нам кажутся сухими и скучными. А между тем, эти цифры могут служить толчком к осмысленному пониманию политической жизни.

Разве не должно вдохновить любую честную работницу то обстоятельство, что мы в течение 5 лет должны вложить в народное хозяйство свыше 17 миллиардов рублей, что количество рабочих, занятых только в так называемой ценовой промышленности, увеличится более чем на 1 миллион человек, что производство электроэнергии мы увеличим по сравнению с довоенным временем в 10 раз, что угля мы будем добывать в 4 раза,

чугуна в 2½ раза больше, что производство с.-х. машин мы увеличим в 10 с лишним раз и т. д. и т. п.

Разъясните ей, какие гигантские скачки мы делаем в области сельского хозяйства, укажите только, что мы увеличиваем почти в два раза продукцию земледелия, вложите в эти цифры конкретное содержание, поясните, что эти цифры означают, и мы завоюем новые массы, которые до того стояли в стороне от политической жизни.

Между тем, до сих пор далеко не каждая машинистка знает, что осуществление пятилетки дает сильнейший скачок в смысле улучшения благосостояния народных масс, что пятилетний план обещает нам завоевания во всех областях, что там, где мы до сих пор были в исключительной зависимости от иностранного рынка, мы становимся и станем самостоятельными.

Мы до сих пор не производили вовсе автомашин. Сейчас мы уже строим колоссальный автозавод, который через два года даст свыше 200 тысяч новых машин. Днепрострой — это чудовище современной техники — явится одной из величайших электростанций в мире, наш тракторный завод поставит тысячи стальных коней. Даже в нашем цехе, в цехе машинописи, мы стоим накануне освобождения от иностранной зависимости. В плане пятилетки стоит вопрос и о постройке завода для пишущих машин. А много ли машинисток знает об этом?

Между тем, завод пишущих машин означает для многих машинисток возможность получить четкое, хорошее оружие производства, сберечь много сил и энергии, освободиться от власти ломанной машинки, которая дергает нервы, мешает работать, но которую ничем заменить. Постройка этого завода означает расширение применения машинописного труда.

Темпы нашего роста поистине сказочные. И об этой «сказочной» действительности мы ничего еще не сказали массе машинисток. Не их вина, что они часто стоят в стороне от строительства, не понимают его. Нужно безотлагательно понести в среду машинисток самые популярные сведения о пятилетке, а тогда они сами покажут, что они могут сделать для ускорения темпов социалистического строительства.

Подарок к XII годовщине

На страницах этого № журнала мы с большой радостью и гордостью помещаем портреты машинисток и стенографисток, выживших себя на работе и выдвинутых на более ответственные должности или на большую общественную работу.

Эти примеры полны значения не только потому, что являются показателями роста работниц этих категорий, но и потому, что они разбивают нелепую легенду о цеховой обреченности так называемых «вечных» машинисток и стенографисток, а по линии общественной работы — «вечных» сборщиков членских взносов и т. д.

У нас нет даже приблизительных цифр, говорящих о том, сколько таких выдвинутых и активисток насчитывается по СССР, но мы твердо и безошибочно можем сказать, что хотя число их растет за последние годы, но растет чрезвычайно медленно и пока это только единицы, в лучшем случае — десятки.

Не нужно самообольщаться и думать, что медленное выдвигание машинисток и стенографисток объясняется только невни-

манием со стороны администрации учреждений и союза. Конечно, еще до сих пор и администрация и местком нередко не видят в машинистке живого человека, мыслящего работника, но... если заняться немного самокритикой, то окажется, что корни этого явления лежат в самой среде этих работниц.

За 12 лет Октября машинистка постепенно превратилась из «совбарышни», из «Клавочки» в честную труженицу.

Однако, с наименьшей откровенностью нужно заявить, что эта труженица еще мало сознательна, что по своему политико-культурному уровню она намного отстает не только от передовых слоев рабочих и служащих, но даже от средних служащих.

Это отставание работниц машинописи и стенографии, эта их косность и подчас мешанство особенно рельефно выступает теперь на фоне развернувшегося социалистического строительства, когда масса рабочих и передовые слои служащих вкладывают в свою работу не только добросовестность,

но и большой творческий подъем, даже энтузиазм, когда ради быстреего осуществления пятилетки, они идут на ряд жертв.

Добровольное увеличение нормы, снижение расценок, организация дня индустриализации и субботников по разгрузке хлеба и картофеля, ударные бригады на производстве, требование служащих об увеличении рабочего дня, — вот как ответили передовики на переживаемые нами сейчас затруднения.

К сожалению, волна этого энтузиазма не дошла до всей массы машинисток. До сих пор это выражалось в пассивной форме, в форме отставания в ряде мероприятий государства и союза, но вот совсем недавно машинистки крупнейшего наркомата Москвы, ВСНХ СССР, «активно» продемонстрировали свою отсталость, приподнеся к XII годовщине Октября такой подарок:

В заявлении на имя редколлегии стенной газеты (даже не месткома), подписанном 55 машинистками (из 150), они требуют, чтобы в связи с переходом на непрерывку им не удлиняли рабочий день и... увеличили заработную плату.

Это заявление явилось непосредственным ответом машинисток на призыв партийной ячейки ВСНХ к переходу на непрерывку, к удлинению рабочего дня.

Мы знаем, что в связи с непрерывкой и соцсоревнованием нужно стремиться к тому, чтобы условия труда не только не ухудшались, но улучшались, так как только рационализация их даст возможность повысить производительность труда и улучшить качество работы. Поэтому, когда машинистки АФУ ВСНХ СССР, приветствуя непрерывку на страницах «Нашей Газеты», указали на необходимость увязать непрерывку с улучшением санитарно-гигиенических условий работы, — они встретили вполне сочувственный отклик.

В условиях труда машинисток ВСНХ СССР несомненно имеются дефекты, но эти дефекты по сравнению с условиями труда массы машинисток не только СССР, но и Москвы, настолько незначительны и легко устранимы, что ни в какой мере не могут оправдать подачи политически-безграмотного заявления, насквозь пропитанного узкоцеховыми, рваческими настроениями.

К сожалению, у нас нет оснований предполагать, что машинистки ВСНХ СССР являются особым исключением в общей

массе работниц этой категории, довольно сильно еще пропитанной аналогичными настроениями.

То же самое относится и к стенографам, которые никак не проявили себя ни в области соцсоревнования, ни в рационализации своей работы, но зато, например, весьма активно обсуждали на одном из собраний служащих стенографов в Москве вопросы о повышении заработной платы, об увеличении штата и т. д.

В чем корни такого отставания основной массы машинисток и стенографов? Объяснять это только загруженностью семьей, детьми, кухней, низкой зарплатой — нельзя, так как женщины, работающие на других участках и живущие в аналогичных условиях, гораздо активнее участвуют в общей социалистической стройке.

Причины нужно искать в мешанской и мелкобуржуазной среде, из которой в массе своей вышли работницы машинописи и стенографии, в отсутствии партийной и комсомольской прослойки среди них.

Причины нужно искать в слабой политико-воспитательной работе союза среди этих групп служащих. Многие работники союзных организаций, особенно месткомов, считают массу машинисток и стенографов безнадежно-отсталой.

Между тем, к машинисткам и стенографисткам требуется особый подход, требуется особо кропотливая работа по вытаскиванию их из того мешанского болота, в котором осела значительная их часть, требуется настойчивое расслоение массы машинисток на более передовых, которых нужно всячески поощрять и продвигать, и более отсталых, которые нуждаются в длительном политико-культурном воспитании.

Только таким путем можно уберечься от такого юбилейного подарка, который приподнесли к XII годовщине Октября машинистки ВСНХ СССР, только таким путем можно добиться того, чтобы активистки и работницы с творческой инициативой, описанные нами на страницах нашего журнала, стали не единичным, а массовым явлением в рядах этих работниц.

Мы призываем передовых работниц отмежеваться от заявления машинисток ВСНХ и повести за собой отсталых товарищей к активному участию в строительстве социализма.

Производственные вопросы

Р. ВЕКСМАН

Пятилетка и унитарная

В контрольных цифрах пятилетнего плана социально - культурного строительства РСФСР нет не только никаких цифр, но и указаний на то, в каких масштабах предусматривается (и предусматривается ли вообще?) развертывание дела переподготовки и повышения квалификации служащих, сколько для этого потребуется курсов, преподавателей и т. д. Нет ничего и о перспективах развития стенографического образования в стране, которое должно проводиться, с одной стороны, через курсы и кружки повышения квалификации и переподготовки, с другой стороны, через школы II ступени и спецкурсы.

Отсутствие контрольных цифр в этой области вряд ли можно объяснить тем, что потребности в этих видах образования будут покрыты имеющейся сетью курсов, наличием кадрами преподавателей и т. п. Можно сказать с уверенностью, что и по стенографии и по таким дисциплинам, как административная техника (делопроизводство, корреспонденция и пр.) и машинопись мы не сможем обслужить полностью нужд населения не только на протяжении пятилетнего плана, но и в ближайший год, поскольку уже теперь имеются факты, когда необходимые для нужд данного города курсы переподготовки не могут быть открыты в виду отсутствия кадра преподавателей, или наоборот, преподаватели не могут быть использованы за неимением нужных курсов.

Все это говорит о том, что Наркомпрос еще не осознал всей важности дела переподготовки служащих и, в частности, распространения стенографических знаний в стране. Своевременно не подсказали о необходимости иметь контрольные цифры в этой области и союз совторгслужащих и наш журнал.

Пятилетний план развертывания стенографического образования (в дальнейшем мы будем касаться только стенографии, оставив вопрос о переподготовке служащих в стороне) должен быть немедленно разра-

ботан, так как только таким путем может быть устранен разрыв на одних участках стенографии и мертвый штиль на других.

В качестве свежих примеров такого разрыва (а сколько их было в прошлом!) можно указать на два факта.

Главсопвс кабинетным путем, без всякого согласования с компетентными органами и лицами решает издать учебник для преподавания стенографии в школах соцвоста по системе Реймиллер (одна из разработок системы Терне, кстати сказать, отвергнутая унитарной комиссией Главпрофобра при рассмотрении проектов унитарной системы). Сам по себе факт отрядный, так как он говорит о признании необходимости преподавания стенографии в школах. Но мы знаем, что имеется вполне правильное постановление коллегии Наркомпроса о том, чтобы вопрос о преподавании стенографии в школах соцвоста оставить открытым впредь до разработки унитарной системы стенографии.

Таким образом, решать вопрос об издании учебника для школ соцвоста до того, как разрешен общий вопрос о системе стенографии, подлежащей преподаванию в школах, до того, как разработана программа этого преподавания — в достаточной мере несерьезно. Тем более несерьезно, что в то же самое время в другом этаже того же здания, в недрах Главпрофобра работает с 1927 г. экспертная комиссия, выделенная коллегией Наркомпроса для руководства делом отбора единой системы, и с 1928 г. — методическая комиссия по предметам канцелярской техники, в том числе по стенографии, которые бы могли дать Главсопвосу немало полезных сведений по делу преподавания стенографии в школах.

Второй факт. Благодаря той же неосведомленности о работах в области стенографии (на этот раз гораздо более простительной) и отсутствию плана, такое колоссальное по своему значению мероприятие, как обучение стенографии командного состава Красной армии проводится кустарно, слу-

чайно, без надлежащей информации по каким системам и каким путем проводить это обучение.

Итак, с одной стороны, мы имеем все большее и большее внедрение стенографии во все поры нашей жизни — в армию, в школу, что особенно отрадно отметить в этом № журнала, посвященном 12-й годовщине Октября, с другой стороны, до сих пор отсутствует какая бы то ни было плановость в этом деле.

Пятилетка в области развития стенографии в нашей стране должна положить конец этому хаосу. Она должна предусмотреть прежде всего количество служащих, детей в школах и, может быть, других категорий населения, которые должны быть охвачены стенографическими знаниями.

Она должна в соответствии с этим установить количество курсов, школ и т. д., где будет вестись преподавание стенографии. Из этой контрольной цифры будет вытекать и потребное количество преподавателей стенографии, а следовательно, и количество курсов переподготовки старых и подготовки новых преподавателей стенографии.

В связи со всеми этими показателями стоит и вопрос об издании определенного

количества учебных и методических пособий на протяжении пяти лет.

Отправной точкой для развертывания пятилетки стенообразования является отбор унитарной (единой) системы стенографии, проводимой ныне на Опытных курсах стенографии.

Нужно определенно сказать, что только при благоприятном окончании работ этих курсов, намечаемом на середину 1930 года, можно будет наметить стройный и реальный план распространения стенографических знаний в стране. Без отбора единой системы мы не сможем справиться с задачей внедрения стенографии в массу и меньше всего сумеем справиться с анархией и бесплановостью в нашем деле, так как само обилие систем как нельзя больше порождает ту анархию, ту непроизводительную трату денег, которые наблюдаются сейчас.

Вот почему, требуя разработки пятилетнего плана по стенографии, мы в то же время должны максимальным вниманием окружить работу Опытных курсов стенографии, всячески помогая им довести свою сложную работу до конца.

Отбор единой системы ляжет в основу нашей пятилетки!

Т. ЮДИН

Стандартизация копировальной бумаги

В сентябре месяце комитет по стандартизации при СТО утвердил в качестве обязательных для применения во всесоюзном масштабе с 1/X—29 г. стандарты копировальной бумаги, разработанные кабинетом стандартизации ИТУ НКРКИ СССР.

Стандарты касаются формата и формы копировальной бумаги, ее цвета, копировальной способности, качества бумаги-основы, из которой она изготавливается, упаковки и ряда других признаков, а также методов ее испытания при приемке.

Работа по стандартизации копировальной бумаги была вызвана, с одной стороны, жела-

нием сократить значительный ее ассортимент, неудобный потребителям, производителям и товаропроводителям, а с дру-

Рис. 1.

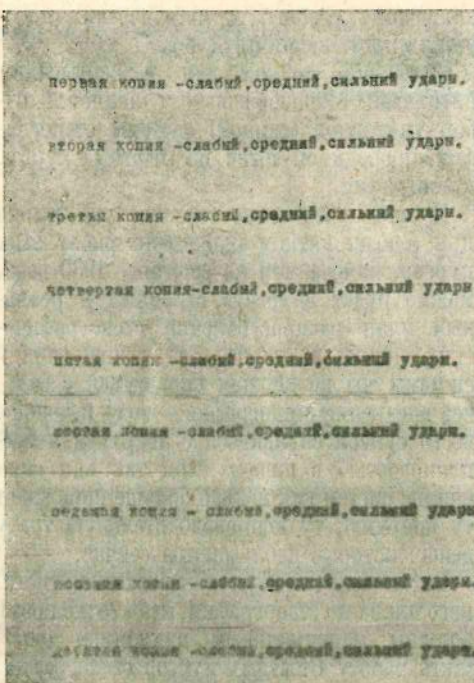

Рис. 2.

гой — необходимостью перевода производства этой бумаги на союзное сырье (бумага-основа и красители).

До сих пор копировальная бумага вырабатывалась у нас трех видов (для пишущих машин, для карандаша и для пера), в нескольких цветах (фиолетовый, черный, синий и даже красный), в различных (9-10) форматах, на бумаге-основе двух плотностей (12 г и 16 г кв. м). Только по двум фабрикам «Союз» и «Руссолент» этот ассортимент заключал в себе около 35—40 наименований.

При производстве копировальной бумаги для пишущих машин наши главные производители («Международная Книга» и «Руссолент») до сих пор пользовались импортной бумаго-основой плотностью 12-13 г. На приобретение ее за границей ежегодно расходовалось несколько сот тысяч рублей в валюте. В связи с валютным напряжением перед названными производителями копировальной бумаги встал вопрос об изготовлении ее на союзной бумаго-основе. Для этого, однако, нужно было прежде наладить производство последней в нашей стране, так как до сих пор наши бумфабрики не могли вырабатывать бумагу-основу нужного качества.

Всем этим (ассортимент, валютные затруднения и проч.) определялась актуаль-

ность вопроса стандартизации копировальной бумаги.

Проработка стандарта производилась и была осуществлена на основе учета потребительских деловых, физиологических и архивных требований, предъявляемых к копировальной бумаге. Потребительские деловые требования касаются вида, формата и формы копировальной бумаги и, вместе с тем, количества и качества оттисков, получаемых при ее посредстве; физиологические — цвета оттисков, архивные — их прочности.

Эти требования были определены путем обследования условий применения копировальной бумаги в ряде учреждений, анкетирования работников машбюро, изучения литературных источников и пр., а также на заседаниях специальной рабочей комиссии при кабинете стандартизации ИТУ, образованной для проработки стандартов копировальной бумаги.

В основном стандарт копировальной бумаги сводится к следующему.

Устанавливается два вида бумаг: М — для пишущих машин и Р — для записей от руки карандашом. Особый вид бумаги для копир-учета упраздняется (заменяется бумагой Р).

В качестве бумаги-основы для обоих видов копировальной бумаги вводится только один ее сорт — плотностью не более 14 г кв. м. Для бумаги М — эта бумага-основа будет несколько толще, а для бумаги Р — несколько тоньше, чем те, которые до сих пор применялись для их изготовления. Стандарт не закрывает однако возможности применения для копировальной бумаги и более тонкой бумаги-основы, по мере налаживания ее производства на наших бумфабриках.

Для каждого вида бумаг устанавливается по 3 формата: А₃ — 420 × 297 мм, А₄ — 210 × 297 мм и А₅ — 210 × 148 мм. Эти форматы взяты из общей системы стандартных форматов бумаг, установленных общесоюзными стандартами ОСТ 363 и 364.

Форма копировальной бумаги устанавливается обыкновенная (без белых кромок) со срезом в листах бумаги М верхних левых и нижних правых углов, если принять за основание в форматах А₃ и А₅ — большую, а в формате А₄ — меньшую сторону. Назначение среза углов — облегчить отделение оригиналов и копий переписки от копировальной бумаги. Аналогичный принцип среза углов осуществлен, между прочим, в тетрадях копировальной бумаги «Карбо-Граф», выпущенных в Америке.

К копировальным свойствам бумаги стандартом предъявляются следующие требования. Бумага М должна дать не менее 8 последовательных (четких и ясных) оттисков и не менее 6 одновременных оттисков (копий) — при пользовании писчей бумагой № 6 плотностью 65 г, и не менее 10 копий — при пользовании копийной (папиросной) бумагой плотностью 20—22 г. Бумага Р должна дать не менее 10 последовательных оттисков и не менее 4 одновременных копий на бумаге № 6.

Последовательными считаются оттиски какой-либо надписи, получаемые один за другим с одного и того же места (точно) копировальной бумаги при помощи особой испытательной машины или пишущей машины с электрическим приводом. Под одновременными оттисками (копиями) разумеются оттиски какой-либо надписи, получаемые при помощи пишущей машины с электрическим приводом в один прием на листах писчей (или копийной) бумаги с проложенными листами копировальной бумаги (см. рис. 1 и 2)¹⁾.

Устанавливаемые копировальные свойства бумаг на число одновременных оттисков должны вполне удовлетворить нашу учрежденческую практику. Данные обследования и анкетирования учреждений показывают, что обычная переписка учреждений

¹⁾ См. статью автора «Стандарт копировальной бумаги» ж. Техника Управления, № 17—18 — 1929 г.

составляется в 2-3 экземплярах. В 5-6 и более экземплярах составляется лишь небольшая часть документов (протоколы, ведомости и проч.). На копийной бумаге изготавливается переписка, требующая 10—12 копий (материалы для заседаний, докладные записки и проч.). Устанавливаемые свойства бумаги на число последовательных оттисков обеспечивают более или менее продолжительный срок их службы (примерно 40—50 использований).

Исходя из физиологических и архивных требований, а вместе с тем и из деловых потребностей, для обоих видов бумаги стандартом устанавливается 2 цвета: черный — для бумаги М и синий — для бумаги Р. Фиолетовая бумага, очень распространенная в учрежденческой практике, и красная бумага упраздняются.

Широкое распространение фиолетовой бумаги ничем не оправдывается. С точки зрения физиологии наиболее удобочитаемым является текст надписи, получаемый при помощи черной копировальной бумаги. Черный цвет оттисков на белом фоне бумаги дает наибольший контраст в сравнении с другими цветами; вместе с тем наш глаз наиболее чувствителен к бело-черным тонам и менее всего утомляется от них. Поэтому для копирования текста на чистой белой бумаге (что главным образом имеет место при машинописной работе) черная копировальная бумага является наиболее приемлемой.

Однако при копировании текста в бланках с типографской печатью (ж.-д. накладные,

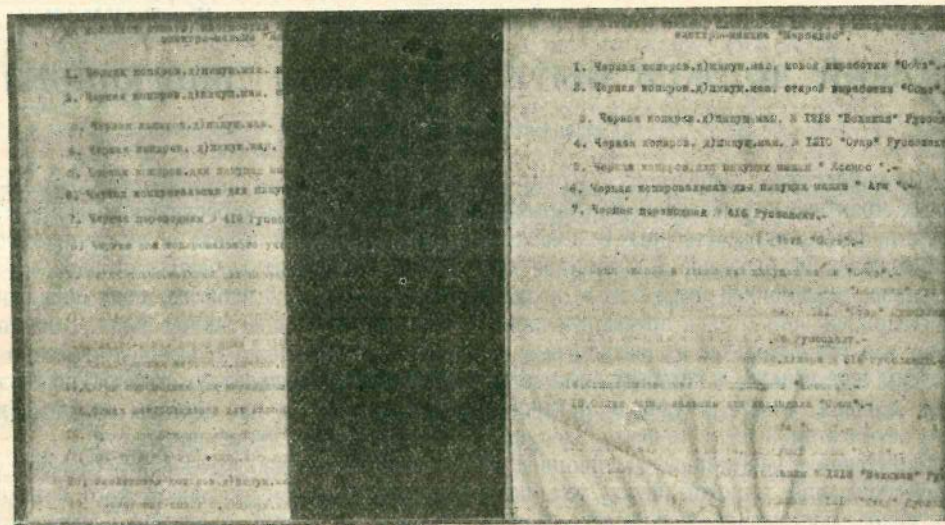

Рис. 3.

фактуры и проч.) черные оттиски недостаточно контрастируют и выделяются на сером фоне бланков. Эти оттиски должны быть другого цвета. При выборе между синим и фиолетовым цветами предпочтение должно быть отдано первому из них, как более насыщенному и лучше воспринимаемому глазом. По этим соображениям для бумаги Р установлен синий цвет.

Физиологическое обоснование этих двух цветов вполне совпадает с архивными требованиями, предъявляемыми к оттискам копировальной бумаги в отношении их светостойкости и прочности.

При испытании на выцветание оттисков текста, написанного при помощи различных копировальных бумаг (путем действия на них солнечного света в течение месяца) оказалось: 1) черные оттиски сохранились весьма хорошо; 2) из синих оттисков одни сохранились хорошо, другие несколько побледнели, третьи обесцветились и выцвели; 3) фиолетовые оттиски совершенно выцвели (см. рис. 3).

С точки зрения архивной сохранности документов применение фиолетовой бумаги для их изготовления является таким образом недопустимым. Приемлемыми являются черная и синяя копировальные бумаги, при чем для изготовления последних должны применяться лишь светостойкие краски. Стандартом устанавливаются соответствующие требования к красителям этих

бумаг и получаемым при помощи их оттискам.

Помимо светостойкости, оттиски, согласно стандарта, должны обладать еще и определенной механической прочностью: при стирании резинкой этих оттисков должны оставаться заметные следы на бумаге, оттиски не должны смазываться, сама бумага не должна пачкать рук.

Кроме качественных норм, стандартом предусматриваются также вид и нормы упаковки копировальных бумаг (коробки, папки, обложки), весьма удобной как для производства, так и для потребления.

Стандарты утверждены в виде 3 таблиц (ОСТ 685, 686, 687), из которых первой устанавливаются нормы по бумаге-основе, второй — качественные нормы и упаковка копировальной бумаги и третьей — методы испытания копировальной бумаги при приемке (в спорных случаях).

В настоящее время производители копировальной бумаги уже приступили к ее выработке. Проведение стандартов в жизнь даст значительные результаты; из них особенно важными являются: сокращение ассортимента бумаги с 35—40 наименований до 6, т. е. в 6 раз, сбережение ежегодно валюты на сумму около 400 тысяч рублей, значительное упрощение производственного процесса при изготовлении бумаги и сокращение торгового оборотного капитала (что по одной только «Международной Книге» даст до 500 тысяч рублей экономии в год).

И. ДАУМАН

Какой должна быть советская пишмашина

(В порядке обсуждения)

Мы находимся, повидимому, накануне самых практических шагов в деле организации производства собственных пишмашин.

К сожалению, огромное большинство работников машинописи остается в полной неосведомленности о ходе предварительных работ и о тех выводах в отношении выбора системы или модели, к которым, возможно, уже пришли соответствующие организации, хотя в этом деле и есть нечто, входящее в компетенцию работников машинописи и корреспонденции в целом. Между тем, коллективное обсуждение некоторых сторон вопроса, мы считаем, могло бы дать самые положительные результаты.

Мы, конечно, не возьмем на себя не только решения, но даже обсуждения вопроса о месте постройки завода, о степени выгодности для нас заключения договора содействия с той или иной из конкурирующих на этой почве иностранных фирм. В настоящей статье мы даже уклонимся временно от обсуждения вопроса о выборе наиболее подходящей для нас системы из числа известных систем пишмашин.

Отметим все же, что выбору системы мы никак не можем придавать того самодедушечного значения, какое ему обычно придают. Нет никакой нужды считаться с тем, какая система имеет у нас или где-либо наи-

большее распространение в настоящее время, ибо популярность систем пишмашин чаще объясняется всяческими **внешними коммерческими причинами** и традицией, чем какими-либо действительными преимуществами одной системы перед другой.

Приступая к изготовлению машин, мы лишь в том случае должны были бы считаться с навыками и симпатиями наших машинисток и мастеров по ремонту, если бы нам нужно было с кем-либо конкурировать.

Каждый сколько-нибудь опытный в машинописи работник знает, что такие системы, как Ремингтон, Ундервуд, Континенталь, Мерседес, Торпедо, Сми-Братья и т. п. в целом совершенно равноценны, что наличие у одной из этих систем какой-нибудь выгодной особенности компенсируется у любой другой каким-либо другим равноценным приспособлением или достоинством.

Мы считаем в корне неправильными также рассуждения о том, какая именно система больше соответствует советским условиям. Никаких специфических «советских условий» для машинописи не существует. Наши машинистки обучаются по тем же самым методам, что и за границей (возможно, что не все курсы на высоте положения, но они совершенствуются). Наши машинистки почти в такой же степени, как и зарубежные, **не умеют** пользоваться некоторыми приспособлениями (напр. табулятором). И единственная специфичность «советских условий» заключается, пожалуй, в том, что наши машинистки научились давать приличную выработку, работая иногда на самых устаревших, или неисправных по халатности администрации машинках.

Таким образом, в отношении систем мы считали бы важным лишь решение вопроса о том, какая фирма предлагает нам наиболее **выгодные условия**, какую систему (из числа равноценных) мы могли бы **скорее, дешевле и лучше** выработать для насыщения собственного рынка. Эта сторона дела целиком относится к компетенции инженеров и экономистов и наше мнение, мнение работников машинописи, может играть тут лишь очень ограниченную консультативную роль.

С другой стороны, выбор **модели**, предназначенной к производству системы (размер каретки, объем клавиатуры, наличие тех или иных современных приспособлений) мы считаем чрезвычайно важным и на нем остановимся подробнее.

Необходимо признать, что как бы успешно ни шла у нас организация производства пишмашин, какое бы количество машин мы ни наметили к выпуску на основании данных о сбыте машин за любой прошедший отрезок времени, все равно мы еще очень не скоро сумеем целиком и без изъятий удовлетворить возможную потребность.

Современная деловая жизнь, вообще, с каждым днем открывает все более широкое поле применения письма на машине. Индустриализация страны обуславливает зарождение множества новых и увеличение масштаба существующих предприятий. Развиваются различные формы коллективного труда — артели, товарищества и т. п., из которых каждое представляет собой самостоятельную единицу с собственным делом-производством. Наконец, реформа письма у отсталых народностей СССР (латинизация алфавитов и создание письма для бесписьменных народов) должна вызвать, если уже не вызывает, и с их стороны прогрессирующий спрос на пишмашины.

Затем, потребности современной деловой конторы далеко не всегда могут быть удовлетворены приобретением только обыкновенных пишмашин. Сплошь и рядом нужны бывают машины счетно-пишущие, бухгалтерские, электрические, бесшумные, с переносными шрифтами и т. п.

Наконец, развитие сотрудничества широких кругов населения в газетах и журналах, развитие туризма и научной работы — все это обещает вызвать спрос на особые машины: небольшие, дешевые, портативные.

Итак, какую бы «идеальную» систему мы не избрали, она все равно не сможет отвечать всем возможным назначениям и, повторяем, как бы велик ни был наш ежегодный выпуск машин, он не будет достаточен, а следовательно, ввоз пишмашин и, главным образом, машин специального назначения еще много лет будет иметь место.

Из всего этого мы и делаем вывод, что нам необходимо выпускать такую модель (мы говорим сейчас именно о моделях, а не о системах), которая удовлетворяла бы настоящие потребности, содействовала развитию у нас письма на машине и в то же время допускала скорейшую организацию наиболее массового и дешевого производства.

С этой точки зрения, в первые годы производства следует совсем исключить из программы выпуск машин со средней и большой кареткой, ограничившись кареткой

нормального размера (свернутый лист). При этом, конечно, желательна такая конструкция, которая допускала бы со временем установку на любой машине каретки любого другого размера. (Пример: система Торпедо). Выпускать же сразу каретки всех размеров в наших условиях было бы неразумно, так как это не диктуется прямой необходимостью.

Из тех же соображений экономии сил и средств, нам следует выпустить сначала стандартную клавиатуру в 42 клавиша, не больше, так как такая клавиатура по существу позволяет писать на машине тексты любого содержания. Дополнительные клавиши (сверх 42-х), обычно используются для дробей и разных второстепенных знаков. Между тем, дроби теперь в большинстве случаев применяются десятичные (они в клавиатуре невозможны и воспроизводятся обыкновенными цифрами), а важнейшие знаки (? + =) в клавиатуре разработанной ИТУ РКИ устанавливаются на местах выпавших из алфавита букв. С другой стороны, увеличение количества клавиш сверх 42-х значительно увеличило бы необходимую точность выработки так называемого «сегмента» и буквенных рычагов, а известно, что в машинах высших марок дополнительные клавиши все же работают далеко не точно.

Подобным же образом обстоятельства заставляют нас отнестись и к табулятору. Несомненно большая полезность этого приспособления, но так же несомненно, что почти 99% пишущих на машине в настоящее время табулятором фактически не пользуются. Следовательно, изготовление этой сравнительно крупной части механизма вполне может быть отложено на будущее время, когда, имея уже идущее полным ходом производство, можно будет заняться выпуском и всяких дополнительных приспособлений. Разумеется, рама машины и другие ее части должны быть рассчитаны на возможность установки табулятора впоследствии силами любого механика. На примере стандартности частей таких машин, как Ундервуд, Ремингтон, Континенталь и др., допускающих замену любой части или перенесение частей с одной машины на другую, мы убеждаемся в том, что установка дополнительных частей после выпуска машины с фабрики вполне возможна.

Мы говорим здесь лишь о простом табуляторе (колонноустановителе), а машины с десятичным табулятором прямо относятся к числу машин специального назначения.

Далее следует так называемый «двухцветный прибор», т. е. механизм перемены цвета ленты. Этот прибор, в самых лучших конструкциях весьма капризный, на практике почти никогда не нужен, а воспроизведение его в советской машине, являясь бесполезной роскошью, только удорожало бы производство. Правда, наличие двухцветного прибора позволяет значительно экономнее использовать ленту. Но нам представляется вполне возможным и одноцветный прибор расположить так, чтобы сшивался один край тринадцатимиллиметровой ленты, а после перестановки катушек — другой. Нет нужды, однако, доказывать, что автоматический переход ленты с катушки на катушку совершенно необходим, так как это значительно ускоряет работу и обуславливает равномерную яркость шрифта.

Еще более необходима, разумеется, клавиша обратного движения каретки.

Избрав какую-либо систему или модель для производства, мы ни в каком случае не должны слепо воспроизводить все ее, неудачные в том или ином смысле, детали, если последние не связаны неразрывно с особенностями конструкции. Так, например, бумагодержатель должен откидываться не вверх, а вперед. Поделители должны устанавливаться в любой точке скалы. Форма бумагодержателей и буквенных рычагов должна быть рассчитана на предохранение шрифта от сбивания при небрежном обращении. Замки регистра должны быть с обеих сторон. Ножки из твердой резины следует заменить пневматическими или комбинированными из резины или войлока, заглушающими звуки и смягчающими сотрясение.

Нужно, конечно, отказаться от традиционного черного лака или модной теперь яркой окраски машины, а покрывать их эмалью «защитного» цвета, не утомляющей зрения, и устранить блеск мелких частей (рычаги перевода и ободки клавиш).

Итак, строжайшая экономия сил и средств, направленная в сторону скорейшего выпуска наиболее необходимых и рациональных пишущих машин в максимальном количестве!

Р. РУДНЕВА

Ни одного клочка неиспользованной бумаги

Вопрос об экономном использовании бумаги красной нитью проходит через все договоры работниц машинописи на социалистическое соревнование, и это не удивительно, так как через руки машинисток проходит огромное количество бумаги и экономия ее, особенно в период переживаемого нами бумажного кризиса, имеет колоссальное значение.

Общие указания о наиболее экономном расходовании бумаги, касающиеся и машинописной работы, даны в известном циркуляре НК РКИ СССР различные экономные приемы и методы неоднократно освещались на страницах нашего журнала, — но все это далеко не исчерпывает всех возможностей в этой области.

В этой заметке нам хотелось бы коснуться вопроса, который до сих пор мало затрагивался в печати, — об экономном расходовании восковок.

В прошлом № журнала мы читали, что ротаторщики МОСПО изобрели новый способ экономии восковок и обрезков бумаги, который, оказывается, сводится к следующему: когда восковка заполняется текстом лишь на одну половину, треть или даже четверть, то незаписанная часть восковки, остававшаяся до сих пор неиспользованной, теперь отрезается. На этой неиспользованной части восковки печатается новый текст, затем к обрезку прикрепляется картонная верхушка восковки (при помощи особых скрепок), которая вкладывается в барабан. Незакрытая обрезком восковки часть барабана закрывается листом бумаги.

Для размножения такой работы берутся соответствующей длины обрезки бумаги, которые в свою очередь отрезаются от целого листа, использованного частично.

В МОСПО, где очень часто на восковках печатаются короткие тексты, такой способ, по сообщению машбюро, приносит большую экономию.

Однако, этот метод печатания, если в него вдуматься поглубже, вызывает и некоторые сомнения. Дело в том, что размножение бумаг при помощи обрезка восковки, обрезков ротаторной бумаги несколько замедляет темп работы ротаторщика.

До сих пор во многих учреждениях небольшие тексты печатались на восковке

Ротаторщи МОСПО за работой.

следующим образом: тексты повторялись два-три раза (до полного уписания восковки) и это облегчало ротаторщику печатание, так как он мог для получения, например, 600 оттисков сделать 200 поворотов. При этом получалась и экономия бумаги, так как на одной странице помещались 3 повестки, которые затем нужно было лишь разрезать.

Правда, при этом способе машинистка тратила лишнее время на повторное печатание одного и того же текста, тогда как восковка дает 600 оттисков с одного текста.

Тут возникает вопрос: какой способ является экономнее?

Если лишнее время, затраченное машинисткой, окупается более быстрой работой ротаторщика, — то преимущество несомненно следует предоставить второму способу, так как он гарантирует и лучшее качество работы: при пользовании обрезками восковки и обрезками бумаги работа может получиться не такой аккуратной.

Машинисткам следовало бы проработать этот вопрос в экономкомиссиях и осветить его на страницах журнала.

А. П.

Восстановление копирки

В № 18 «Стенографии и Машинописи» уже сообщалось о восстановлении копирки по способу, предложенному машинисткой иностранного отдела Госбанка тов. Белицкой.

Поскольку мы располагаем более полными и точными сведениями на этот счет, — мы снова возвращаемся к этому вопросу.

Способ, предложенный тов. Белицкой, заключается в том, что использованная копирка смазывается машинным маслом или керосином. Сохраняющаяся на копирке краска растворяется при этом, и засыхая, снова покрывает бумагу более или менее ровным слоем.

Проявленная Белицкой инициатива встретила живой отклик в Оргбюро Госбанка. Для рассмотрения и усовершенствования ее предложения была создана комиссия, в которую, кроме работника Оргбюро, вошли представитель фабрики «Союз» тов. Куников и тов. Белицкая.

В процессе рассмотрения предложения Белицкой выяснилось, что еще лучшие результаты дает способ, продемонстрированный тут же Куниковым и заключающийся в прогревании копирки на электрической печке. Краска, сохранившаяся на бумаге, при этом плавится и, растекаясь равномерно по листу, заполняет выбитые места. Этот способ, достигая тех же результатов, что и способ Белицкой, имеет перед ним

то преимущество, что не требует времени для просушки и не пачкает первого оттиска. Процедура прогрева каждого листа отнимает всего несколько секунд. По опыту ротаторной мастерской, на прогрев 100 листов требуется не более получаса рабочего времени ротаторщика.

Восстановленная бумага дает блестящий первый оттиск, даже более яркий, чем может дать новый лист, а затем еще 4-5 вполне удовлетворительных оттисков.

Что касается экономии, которую может дать предлагаемый способ, то об этом можно судить по результатам, полученным правлением Госбанка. При потреблении 4800 листов копировальной бумаги в месяц — получается 1025 р. 24 коп. годовой экономии за вычетом всех расходов, связанных с работой по восстановлению (рабсила, расход электроэнергии и амортизация электропечки).

В данное время изложенный способ рекомендован всей периферии Госбанка с ее 580 филиалами.

Как показали опыты, прогрев может производиться не только электрической печью или плиткой, но также с помощью керосиновой печки и даже обыкновенной керосинки или примуса.

Инициатива Белицкой была премирована не в размере 15 р., как ошибочно сообщалось в № 18, а в размере 125 р.

Тов. Белицкая.

Труд и быт

С. КОВРИН

Те, о которых нужно говорить

Образ машинистки и вообще женщины, применяющей свой труд в канцеляриях наших многочисленных учреждений, долгое время был неразрывно связан с образом совбарышни, которая немилосердно красится, пудрится и кокетничает направо и налево.

Это нашло отражение в общеизвестной песенке о Клавочке, которая «служила в М-П-К'а и работала слег-ка».

«На исходящем Клавочка сидит
С утра до вечера
Вй делать нечего»...

Такое убогое представление о канцелярской работнице могло появиться только в те годы, когда многочисленные Клавочки, выбитые революцией из своей мещанской, мелкобуржуазной колеи, где их времяпрепровождение определялось коротко и ясно — «сидеть в девках и ожидать жениха», — стали усиленно поступать на службу курьершами, делопроизводительницами, машинистками. К работе они, действительно, относились легко и больше всего интересовались найком.

Но с тех пор прошел добрый десяток лет. Жизнь ушла вперед и далеко обогнала самые смелые ожидания. От периода военного коммунизма через нэп перешли к развернутому социалистическому строительству наших дней. Жизнь изменилась, изменились и люди. Бытие определяет сознание. Клавочка (в массе своей) уже перестала быть Клавочкой. Она добросовестно выполняет свои обязанности и подчас активно участвует в общественной работе.

Появился новый тип канцелярщицы, новый тип машинистки — активистки-общественницы.

Однако, штамп Клавочки еще живет на страницах нашей литературы, ибо наши писатели еще не удосужились пересмотреть свой взгляд на труженицу канцелярии и, цепляясь за старое, не замечают нового, идущего на смену.

Жизнь обгоняет литераторов и выдвигает сначала единицы, затем десятки и сотни тех, по которым нужно равняться нашим машинисткам, стенографисткам, делопроизводительницам и, вообще, всем категориям женского труда в нашем советском и торговом аппарате.

Старое и новое

Чтобы не быть голословным, заглянем в ВСНХ СССР.

Смотрите! Огромное многоглазое здание наркомата гудит, как расстроенный улей. 3.000 слишком штатных работников! 500 слишком женщин! Из них 157 машинисток!

Слушайте!..

— Тов. Алексеева. Машинистка. Второй раз переизбирается в райсовет Пролетарского района. С 1927 года — кандидат в члены райсовета; работает там по линии РКИ. В марте 1929 г. избирается в члены райсовета. Сейчас в секции РКИ на руководящей работе — ответсекретарь бюро секции, — точно читая, скороговоркой сообщает председатель старостата тов. Воля.

— Отзывы о ее работе в РКИ отличные. В нашем старостате, который объединяет 16 членов и кандидатов районного и московского советов, избранных сотрудниками ВСНХ и нескольких трестов, Алексеева является ответственным секретарем и про ее работу можно сказать одно — она оживляет всю работу старостата. Два раза отчитывалась в своей работе на собраниях. В январе снова будет отчитываться. Впрочем, она сама лучше расскажет, — сказал тов. Воля, берясь за телефонную трубку. — Алло! Дайте сюда Алексееву...

Через минуту я разговаривал с тов. Алексеевой. Синяя блуза и подстриженные волосы придавали ей вполне машинописный вид. Лицо серьезное и как будто чем-то недовольное.

— Биография нужна? Вот. Родилась в 1903 году. Отец — железнодорожный

Тов. Алексеева.

служащий, за участие в событиях 1905 года (был депутатом в совет) сидел год в крепости и потом, как попавший в черный список, не мог получить постоянного места до самого 1917 года. Жили случайными заработками. Мать работала продавщицей. У нас большая семья и поэтому я с 16 лет начала работать. Сначала делопроизводителем, потом, как научилась сама печатать, — машинисткой. Работала и жила в разных городах. С 1926 г. поступила в ВСНХ машинисткой на 65 руб. Теперь получаю 85 руб. Об общественной работе вам, наверно, говорили.

— Да. Но вот скажите, вы активистка, можете быть использованы на более ответственной и интересной работе, чем машинистка, почему вас не выдвинули?

— С выдвиганием машинисток у нас, вообще, из рук вон плохо, — горячо заговорила она. — Хотели, например, заменить машинистками двух заведующих машбюро — мужчин и застряли на пол-дороге. Я несколько раз поднимала вопрос о продвижении вообще, но безрезультатно. Говорят, что некуда. А я скажу, что было бы желание, а продвинуть нашу машинистку найдется куда. Такое невнимание отражается, конечно, на настроениях машинисток. Нужно признаться, что работа с машинистками у нас поставлена слабо. Сама я так загружена по РКИ, что местком освободил меня от других нагрузок. Слабость воспитательной ра-

боты с машинистками сказывается хотя бы в том, что вот на-днях большая группа машинисток подала заявление о повышении жалованья в связи с переходом на непрерывку. Это, несомненно, является результатом их отсталости и несознательности. Вот будет собрание — поговорим.

— А какие у вас перспективы?

— Машинисткой я долго проработать не смогу, потому что уже сейчас болят руки и спина, 10 лет работаю. Весной я кончаю профуниверситет и постараюсь перейти на службу по профлинии. Выхода больше нет. Ну, я пойду, а то у меня заседание.

В заключение зашел к женорганизатору тов. Розановой.

— Алексеева? — Она у нас молодец, что и говорить. Вот с выдвиганием, верно, плохо. К примеру сказать, хотели мы ту же Алексееву и еще одну активную машинистку сделать заведующими машбюро в АФУ и ЦЭУ вместо мужчин, а нам ответили, что некуда мужчин перевести. Больше того, когда вопрос ставили на профбюро АФУ, один работник сказал, что **заведующим машбюро должен быть мужчина**, ибо женщина не может быть **достаточно строга**.

Целый год вот так и бьемся с Алексеевой. Вообще, к женскому труду у нас относятся отрицательно и сотрудники и, особенно, администрация. Когда мы выдвинули одну канцработницу на должность помощника коменданта, администрация отклонила это выдвигание под предлогом, якобы, специфических условий этой работы. А в одном из отделов никак не хотели принять 2 женщин, потому что там работают одни мужчины, которые... ругаются! Вот, до какого абсурда доходит дело. Очень трудно что-нибудь сделать в такой обстановке. Местком относится равнодушно. Экономкомиссия не обращает внимания. Да и сами женщины консервативно настроены, особенно машинистки; собраний не посещают, вот подали заявление о повышении жалованья. Может быть печать поможет. Смешное положение получается.

* * *
Не только смешно, но и печально. ВСНХ насчитывает несколько тысяч служащих и, однако, некуда выдвинуть машинистку. Нет ничего удивительного, что машинистки консервативно настроены, раз среди них не ведется никакой работы. Отсюда и абсентеизм и аполитичность и такие вывихи, как упомянутое выше заявление группы машинисток.

Это отрывка старого. А те, кто призван бороться со старым, видимо сами страдают старым отношением к женщине, применяющей свой труд в канцелярии.

Отрывкой старого звучит и то, что большая активистка тов. Алексеева используется односторонне и до сих пор не выдвинута по службе на более ответственную работу.

Нужно бить тревогу. Старое заедает новое.

Их биографии

Особняк Наркоминдела. Небольшая комната месткома. Напротив меня сидит высокая девушка в синем. Это — Илларионова Галина Николаевна, машинистка, выдвинутая в референты.

Нельзя обойти молчанием ее биографию.

В прошлом она — дочь эмигранта.

— Родилась я в России, но жила в Америке, потому что мой отец, старый подпольщик, участвовал в событиях 1905 года и вынужден был бежать за границу. В 1910 году мама, я и сестра, преследуемые царской властью, уехали к отцу, который после долгих мытарств, перебрав ряд профессий, работал слесарем на заводе в городе Сиаттл (штат Вашингтон). Там прошло мое детство, там я получила и образование. Окончила восьмилетнюю американскую школу, поступила в школу повышенного типа, где выбрала педагогический уклон, попутно изучала машинку. Закончить не удалось, ибо в 1921 г. моя семья поехала в СССР.

В Москве я начала работать, как иностранная машинистка (англ. и нем. яз.), в учительницы не пошла, так как плохо говорила по-русски. С 1923 г. работаю в НКВД. Сейчас отец — директор завода «Красный Газовик», сестра — комсомолка, учится в вузе. Год тому назад меня выдвинули в референты 2 разряда, с окладом в 125 руб., машинисткой получала 75 рублей.

— Тов. Илларионова является профактивистской, сообщила мне женорганизатор т. Мосина, преподавала английский язык в порядке общественной в вечернем университете, выполняла ряд заданий и можно характеризовать ее, как отличную работницу и

с общественной и с служебной точки зрения.

Еще более захватывающей является история Тамары Алексеевны Нигуль. Согласно царским законам, она незаконнорожденная. Мать простая крестьянка-эстонка, а отец фабрикант. Когда Тамаре минуло 16 лет и она кончила гимназию, барин-отец перестал помогать семье и Тамаре сразу пришлось перейти на заработки. Работала учительницей в гатчинской городской школе. Затем с матерью и двумя братьями переехала в г. Гдов на берегу Чудского озера, где в ОНО последовательно работала переписчицей, секретарем, помощницей заведующего школьным подотделом.

В 1919 г. белые занимают Гдов. Эвакуировать успели только эшелон с казенными вещами и документами. Т. А. остается с семьей в городе. Квартирная хозяйка, к которой их вселили по ордеру, не упускает случая почитать и выдает Т. А. белым, как активную советскую работницу. 19-летняя Тамара бежит из города в окрестные деревни, добирается кое-как до Чудского озера и рыбаки переправляют ее в Нарву. Но там тоже белые и ее, как подозрительную, две недели держат в тюрьме и затем отправляют в концентрационный лагерь. Через два месяца попадает и ее мать с братьями. После 3-месячного заключения, ее матери, как эстонке, удается выхлопотать разрешение уехать в Ревель, где живет их дед. Начинается новая полоса жизни. Дед — бедный крестьянин и Т. А. идет на заработки, зная только не-

Т. А. Нигуль.

Г. Н. Илларионова.

сколько слов по эстонски. Трудно найти работу, особенно в обстановке разгоревшегося шовинизма, везде ее встречают издевками. Она работает прачкой, затем хлебрезом в лавке, наконец, целый год нянкой у немца-аптекаря, очень мало платившего и очень много заставлявшего ее работать.

Т. А. с жадностью следит за тем, что делается в СССР по тем отрывочным сведениям, которые проникают в густо напичканные ложью эстонские газеты. В марте 1920 года заключается договор между Эстонией и СССР. Т. А. идет в советское полпредство и через месяц ее принимают в штат. Сначала она исполняет неквалифицированную работу, но по вечерам остается в полпредстве и сама учится печатать на машинке по слепому методу. Спустя год — она хорошая машинистка и переходит на более ответственную работу.

В январе 1923 г. т. Нигуль возвращается в СССР. С 1923 г. она работает в Наркоминделе, как машинистка секретариата т. Чичерина. В одно время с т. Илларионовой ее выдвигают в референты.

— Работа очень интересная и ответственная, в один голос заявляют они мне. Приходится разбираться в политических и экономических вопросах. Нужно знать географию, экономику и политику любой страны. Занимаемся самообразованием, но этого недостаточно. Нужно учиться и учиться, чтобы не стоять на одном месте. Хотелось бы поработать в вузе на ФОНе.

Машинистки на литературную работу

До последнего времени самое безотрадное в труде машинистки заключалось в том, что ей некуда было дальше идти. Проучившись положенное число месяцев на курсах, усвоив слепой метод и десяти-пальцевую систему, машинистка, в большинстве случаев, начинала смотреть на себя, как на няньку и пленницу маленького черного чудовища, ощерившегося рядами белых зубов-клавиш.

О монотонности и безрадостности труда машинистки исписано большое количество страниц.

В последнее время в этом положении намечается перемена к лучшему. Зазвучали голоса о том, что знание машинописи должно быть только одной из граней квалификации,

— Общественной работой, говорит т. Нигуль, занимаюсь с удовольствием, но надоело собирать членские взносы в кружках МОПРа и ОДН, хочется более ответственной работы. В РКИ, например, я работаю с охотой. Чувствуешь в себе силы и хочется продвигаться вперед, со смехом заканчивает она.

И Нигуль и Илларионова жалуются на свой местком, который не принимал никакого участия в их продвижении, а ныне с таким же равнодушием относится к их тяге к учебе, к живой общественной работе.

* * *

Вот они — советские машинистки.

Все три беспартийные; все три не белоручки, а с ранних лет испытали лишения и прошли трудный жизненный путь в борьбе за кусок хлеба; все три рвутся вперед к знанию, к поднятию квалификации, к общественной работе. О них и им подобных нужно говорить, больше того, нужно кричать, чтобы разбить, разрушить традиционное представление о машинистке, как о существе легкого веса, которое мажется, пудрится и интересуется только парижскими новинками и кавалерами. Этот мишурный образ уходит в прошлое, уступая место машинистке-активистке, машинистке-общественнице, работнице с инициативой, которую нужно продвигать и которой нужно помогать.

Е. ЛЕН—А.

работа на машинке — одной из ступенек служебного восхождения. Слова эти, сулящие освобождение от однообразного, разрушающего здоровье и притупляющего труда, медленно и постепенно начинают претворяться в жизнь.

Растет число машинисток-продвиженок. Из одиночек скапливаются группы. Узенькая тропинка становится проторенной дорогой.

Очень интересен в этом отношении опыт газеты «Гудок», выдвинувшей двух своих редакционных машинисток в качестве литературных сотрудников.

Редакция «Гудка» (органа ЦК союза железнодорожников) — целый маленький

мир, с очень своеобразным, очень бурливым укладом жизни. Отличительная его черта (впрочем, как и всякой газеты) — спешка.

Ругаясь и волнуясь, спешит зав. отделом двинуть очередную кампанию; нервничая и ломая карандаши, спешит репортер сдать отчет о только что окончившемся заседании; вприпрыжку летит по лестнице курьер, спешащий отвезти материал в типографию в набор. Но больше всех спешит машинистка.

В бюро машинописи яростная чететка неумолкающих ни на минуту двенадцати машинок, путаница диктующих голосов, какофония отрывков из бюллетеня ТАСС'а, рабочей корреспонденции и фельетона, выкрики сотрудников, уверяющих, что их материал самый спешный, сталкивающиеся в безрезультатной дуэли клинки солнечных лучей и радиусы электрического света. Двенадцать склонившихся голов: русых и темных, стриженных и в прическах, с проборами и без них. Двенадцать утомленных голов.

Этим маленьких цехом, очень ответственным в производственной жизни газеты, расторопно и распорядительно управляла до последнего времени Александра Алексеевна Литвинова.

Тов. Литвинову любит и уважает вся редакция. Это не та казенная, из чувства корпоративной чести, любовь, о которой кисло рассказывают зашедшему в учреждение на пять минут журналисту. Это настоящее теплое чувство, крепкая дружба, прочное уважение к хорошему товарищу, дисциплинированному работнику, славному человеку.

Гудковские старожилы помнят Александру Алексеевну еще девочкой, корявым подростком с косичкой, помнят такой, какой она была десять лет тому назад, когда впервые пришла в «Гудок».

Много воды утекло с тех пор. Из мелкого канцелярского работника тов. Литвинова выросла в старшую бюро машинописи. Здесь ее работа выше всяких похвал. Машинное бюро «Гудка» тесное, душное, плохо оборудованное в ожидании переезда в но-

вое помещение — работает четко и дисциплинированно, как настоящее производство.

Другая выдвинутая — Ревекка Абрамовна Аврущенко. В сравнении с Литвиновой, она молодая в «Гудке». Ревекка Абрамовна машинистка поразительной скорости, редкой грамотности, большая общественница, член месткома. Всякий раз, как Александра Алексеевна уходила в отпуск или болела — Ревекка Абрамовна заменяла ее в качестве старшей.

Ясно, что проработав в газете целые годы, пропустив через свои руки образцы всякого газетного творчества, хорошие, плохие, средние и превосходные — машинистки приобрели немалый опыт в трудном искусстве «делания газеты». И опыт этот был замечен, учтен и использован.

Местком решил выдвинуть двух машинисток на литературную работу. Выбор пал на тт. Аврущенко и Литвинову. Обучение машинисток литературной правке и общее введение их в газетное дело добровольно взял на себя сотрудник профессионального отдела тов. Поповский. Несколько месяцев ушло на эти занятия. Занимались по вечерам, после сумасшедше-утомительной работы.

Впереди заманчиво блистала ступенька...

В конце сентября дело было сделано. Александру Алексеевну Литвинову перевели в производственный отдел в качестве литературного обработчика с жалованием для начала в 144 р. Через три недели Ревекка Абрамовна Аврущенко была переведена на такую же работу и на таких же условиях, — в профессиональный отдел.

Р. А. Аврущенко.

А. А. Литвинова.

Сейчас испытательный стаж выдвиженок на исходе. По отзывам заведующих отделами, обе выдвиженки вполне на высоте положения. Справляются с работой прекрасно, точны, быстры, инициативны.

Этот опыт «Гудка» ни в коем случае не должен оставаться единичным экспериментом.

Он должен быть взят за образец всеми учреждениями. В каждом, вероятно, найдутся машинистки, стремящиеся к повышению своей квалификации, к расширению кругозора, такие, которые не довольствуются тем, чего уже достигли.

Их необходимо использовать для работы в своем же аппарате.

О. К—ВА.

Еще две выдвиженки

Дело с выдвижением стенографисток на более ответственную работу обстоит еще хуже, чем с машинистками, несмотря на то, что сама по себе работа этой категории трудящихся настолько разносторонняя и квалифицированная, что должна способствовать такого рода выдвижению.

Поэтому мы с особенным удовольствием отмечаем два известных нам случая выдвижения стенографисток, имевших место в последнее время.

Вера Альбертовна Цейдлер, работавшая с первых дней революции в качестве съездовой стенографистки, с 1926 г. служит в Химимпорте. Занимала здесь должность иностранной стенографистки-машинистки (прекрасно владеет английским и немецким языками). Тяготилась томительной и однообразной работой, не дававшей удовлетворения. С 10 октября 1929 г. тов. Цейдлер единодушно выдвинута месткомом на должность референтки транспортного отдела.

Работой своей, которая заключается в ведении учета заказов на карточках и отчасти в ведении корреспонденции (не технической), В. А. чрезвычайно довольна. Находит ее живой и интересной, хотя по началу и немного напряженной.

* *
*

Наталья Александровна Кривошеева работает с мая 1928 г. в ЦК совторгслужащих. Была стенографисткой-машинисткой. Сейчас (с 15 июля 1929 г.) по инициативе месткома выдвинута на должность помощника секретаря президиума. Новая работа заключается, главным образом, в обслуживании президиума. Тов. Кривошеева протоколирует заседания, ведет учет постановлений президиума и контролирует их выполне-

ние. Подготавливает материалы для заседаний президиума.

Новая работа удовлетворяет, так как, по словам Н. А., дает ей возможность охватывать немного профсоюзные вопросы.

Обе выдвиженки — хорошие общественницы.

Тов. Цейдлер в 1925/26 г. была членом МК стенографов, работала в кассе взаимопомощи (там же), а в последнее время состоит председателем этой кассы.

Н. А. Кривошеева.

Тов. Кривошеева работала в течение двух лет секретарем комиссии по охране труда. Сейчас участвует в работах экономкомиссии.

Н. РАЗГИЛЬДЕЕВ

Съездовой стенограф в Красной армии

В октябре прошлого года я был призван в Красную армию на один год. Я был направлен в N авиационный отряд в г. NN. И вот началась красноармейская жизнь: строевые занятия, караульная служба, вытаскивание самолетов из ангара и т. д. Разнообразие в размеренные по часам дни и ночи вносили боевые ночные тревоги, во время которых одеваешься в две минуты, вылетаешь с безумной быстротой из помещения, заряжая на бегу винтовку, ныряешь в снег, рассыпаясь цепью по аэродрому...

Прежняя жизнь с ее тревогами, удачами, неудачами и стенографической работой отошла в далекое прошлое.

Для поддержания стенографической скорости необходимо было принять, однако, какие-то меры. О возможности стенографирования в городе нечего было и думать. В городе стенографической работы было мало. Да и пускали нас в город один раз в неделю вечером с 6 час. до 11.

Тут на сцену появилось радио, в виде купленного мною детекторного приемника ДВЗ. Записывал лекции, доклады, все, что попадалось. Но приемник был детекторный, слышимость на него была очень скверной.

Возможно, что в спокойной, семейной обстановке он годится, но если рядом с комнатой, в которой вы записываете, заливается гармошка, или устраивается бокс с опрокидыванием табуреток, то вам поневоле приходится согласиться, что конструкция ДВЗ в смысле слышимости является слишком слабым конкурентом ваших соседей и подумать о более сильном приемнике.

Выход был найден в лице четырехлампового красавца ВЧ, принадлежавшего нашему авиаотряду и служившему для приема метеорологических сводок. Тут я мог писать великолепно, не опасаясь никаких шумов, мог слушать Москву, Ленинград, Харьков, Варшаву, Девентри, Кенигвустергаузен, Константинополь и пр. Мог слышать все от фокстрота до мессы в каком-то варшавском соборе.

Кроме этих записей по радио, я пользовался иногда услугами моих товарищей по авиаотряду. Диктовали мне обычно без разметки, но не меньше 10 минут. Пробовал я было приучить одного товарища диктовать

по разметке ровно 120—130 слов в минуту, но ничего из этого не вышло.

К весне я стал подумывать о том, что стенограф может принести немалую пользу Красной армии и подал рапорт начальнику военно-воздушных сил МВО об использовании меня по специальности.

Через 10—12 дней было получено приказание командующего войсками МВО о переводе меня в штаб округа.

* *
*

Среди густых, смолистых сосен раскинулся лагерный сбор высшего начсостава, на котором я впервые буду дебютировать в качестве стенографа.

Утром, при первых лучах обжигающего солнца, на мягких подушках пофыркивающего «Форда» мы снимаемся с места и выезжаем на место маневров.

Как в кино, оставляем за собой перелески, лужайки, попутные деревни, пехоту, кавалеристов, лихие пулеметные тачанки, участников сегодняшней тактической игры, в которой победителем будет не только более сильный и быстрый, но и имеющий более богатые знания по тактике.

На высоком гребне, на котором мы расположились по приезде, я один спокоен среди бешеного водоворота развертывающихся событий.

— Комполка тов. N, приказываю вам атаковать прорвавшуюся пехоту противника. — Есть.

— Приказано атаковать прорвавшуюся пехоту противника, зашел полевой телефон.

Через несколько минут из-за перелеска, ослепительно блестя на солнце серебром клинков, черная лава кавалерийского полка смяла противника, несмотря на хриплый лай и тывканье пулеметов.

Отбой. Конец учения. Сейчас командующий войсками будет разбирать все ошибки, допущенные на учении. Широким веером сидя на земле, располагаются командиры. В центре командующий.

Не думаете ли вы, что для стенографа имеется столик и чернила? В таком случае вы наивны. Мой стол — прятная, пахнущая молодой травой земля. А чернила... чернил нет. И я, писавший только чернилами, я, авторитетно объяснявший преимущества

ручки начинающим стенографам, сжимаю в руке 8 игольно-острых карандашей...

— Разрешите приступить к разбору сегодняшнего учения.

При этих словах командующего я, после нескольких тщетных попыток устроиться для стенографирования сидя, с отчаянием плюхнулся на живот и карандаш мой быстро побежал по бумаге.

Когда-то в нашем журнале тов. Рождественский писал, что самый лучший способ стенографирования — это стенографирование лежа и ссылался даже на пример древних греков. Читая тогда эту статью, я никак не подозревал, что скоро стану последователем древних греков.

Солнце жжет невыносимо. Соленый, липкий пот слепит глаза. Я пишу 10 минут, 20, 30, 40. Около меня растет горка затупившихся карандашей. Из травы, на которую брошена моя папка, выползают 3 муравья и нахально начинают разгуливать по стенограмме. Скоро один из смельчаков гибнет под острием карандаша, два других, смахнутые рукой, летят куда-то в траву. Через несколько минут на стенограмме появляется новая партия. Аудитория, захваченная таким простым и таким неотразимым в своих доводах командующим, не замечает ни солнечного зноя, ни надоедливых мух, ни зелени соседнего лесочка, ни ослепительно сверкающей реки.

Проходит час, 1 час 10 мин., 1 час 20 мин., 1 час 30 мин. Наконец, все.

Встаю весь пропитанный солнцем, которое выступает из меня тысячами капелек пота. На обратном пути, сидя в быстро несущемся «Форде», осознаю, что 1 час 30 мин. чертовски трудного текста отнюдь не могут быть приравнены к съездовым десятиминуткам, к которым мы так привыкли.

После обеда захлебывающаяся дробь машинки. Вечером, в 12 час. в большой палатке у командующего я записываю под диктовку задание красной и синей стороне на следующий день. В половине первого ночи шаг командующего все еще упруг и энергичен и спокойно льются названия деревень и вражеских частей, между которыми завтра развернется захватывающая борьба.

Сегодня учение затянулось. Черная тьма окутала поля. На большом, пахнущем ржаными колосьями току пылающий костер освещает темную массу командиров, жадно слушающих разбор сегодняшнего учения,

который делает командующий. Красные блики ложатся на мою стенограмму. Сырая земля холодит локоть правой руки. За треском сучьев в багровом пламени не слышно треска сломавшегося у меня карандаша.

Уже уползли в тыл стальные громады танков, уже пропали пушистые хлопья дымовой завесы. На топкой, сыроватой земле, подбросив под себя шинель, я пишу своими значками повесть затихшего боя. Справа, от болота несет ядовитым ветерком. В середине разбора нахмуренное небо брызнуло первыми водяными шариками на мою стенограмму. Натягивая одной рукой на голову шинель, силюсь закрыть бумагу. Попадая на дождевую каплю, расплзшуюся по бумаге, карандаш, как слепой, тупо уткнувшись, задерживает своей стремительный бег. Торопливо перевожу его на другую строчку. Моросит дождь. Карандаш все чаще тычется в дождевые капли. Хорошо, что сегодня разбор невелик. Кончаю.

Осень. На берегу реки К. бело-туманным утром, краснеющими от холода пальцами записываю результаты окружных маневров. Пишу 2 час. 45 мин. один.

Через несколько недель, на черных комьях осеннего поля, в лиловых сумерках, заботливо накрытый буркой замначштаба¹⁾ писал я такие уже привычные мне слова и названия. Постепенно темнеет. Пишу. Не видно строчек. Буравом глаз сверлю белое пятно бумаги. Теперь, в конце года я уже удовлетворительно разбираюсь в боевых порядках, в особенностях родов войск и т. д.; поэтому разрешаю себе в темноте сделать пропуск, зная, что смогу восстановить его по памяти...

Через несколько дней пришлось опять писать в темноте, но на этот раз моим солнцем были ослепительно золотые глаза «Форда», направленные на мою стенограмму.

Кроме этой «боевой», если можно так выразиться, стенографической деятельности, мне приходилось стенографировать заседания и совещания в спокойной, обычной обстановке. Приходилось стенографировать

¹⁾ Пользуюсь случаем выразить на страницах этого номера журнала, посвященного 12-й годовщине, свою благодарность командованию за прекрасное отношение.

лекции, писать под диктовку отчеты, доклады и т. д.

Колоссальное значение стенографии осознано уже РВСР и доказательством этого может служить нижеследующее его распоряжение:

Обязательное изучение стенографии начсоставам.

В целях поднятия специальной квалификации начсостава штабов, с 1-го октября Реввоенсоветом Союза вводится обязательное изучение стенографии в штабе РККА, в штабах округов, корпусов, дивизий и полков, в военной академии РККА, на курсах усовершенствования штаба РККА и на штабном отделении курсов «Выстрел».

В случае надобности к изучению стенографии в обязательном порядке будут привлечаться и некоторые категории политработников.

Для лиц начсостава, приобретших скорость стенографической записи не менее 80—90 слов в минуту, с 1930 года устанавливается звание «военного стенографа». Военный стенограф получает добавочное содержание, независимо от места службы и получаемого оклада.

Штаб РККА и ПУР разрабатывают инструкцию, которой будет определен точный перечень начсостава, подлежащего обучению стенографии, порядок привлечения преподавательского состава и производства занятий.

В качестве вывода можно сказать следующее:

1. Военный стенограф должен уметь писать во всяких положениях.

2. Должен писать не только чернилами, но и карандашом, так как в военное время хорошая бумага и чернила не всегда будут под рукой.

3. Должен уметь писать лежа. В качестве стола хорош планшет для топографических съемок, представляющий собой две деревянные обложки, из которых одна служит для расстилания на ней стенограммы, а другая для упора локтя правой руки.

4. Необходимо тренировать себя на запись одному на протяжении от одного до 2½ часов.

5. Военный стенограф должен расшифровывать быстрее, чем гражданский, так как ударность момента иногда заставляет давать максимум возможного.

6. В военное время использованные стенограммы немедленно после расшифровки нужно жечь. (Особенно это важно в отношении цифр, пишущихся иногда обычным порядком).

7. Стенографируя оперативные данные, писать названия деревень и частей по-русски; если одно и то же название встречается часто, можно в крайнем случае допустить запись значком (бывали случаи, когда из-за неверно записанного названия деревни проигрывалась крупная операция). Особенно все вышесказанное должно относиться к стенографированию приказов и распоряжений.

Возможно, что я изложил не все, что нужно, но одно совершенно очевидно: применение стенографии в штабах и в военных учреждениях в мирное время имеет колоссальное значение в смысле упрощения и ускорения работы. Тем большее значение приобретает стенография в военное время для повышения мобильности нашей армии.

В. А. Цейдлер (см. стр. 18).

Установим международную рабкоровскую связь

До сих пор зарубежный отдел нашего журнала освещал почти исключительно новости техники и науки, не касаясь условий труда и общественной жизни работников машинописи и стенографии за границей.

Это объясняется в значительной степени тем, что нам неоткуда было черпать такие сведения: зарубежная печать, в том числе и специальные журналы стенографии и машинописи, не считает нужным заниматься такими ненаучными мелкими проблемами, как оплата труда, условия работы, отпуск, нормы рабочего времени и т. п.

Находясь на службе у капиталистов, эти желтые журналы стремятся лишь к тому, чтобы какими бы то ни было путями поднять квалификацию работников, заставить их всякими конкурсами и состязаниями дать в работе максимальную скорость. Меньше всего они заботятся об оздоровлении условий труда, о вовлечении своих читателей в профдвижение.

Вот почему на советскую печать, а в том числе и на наш журнал, ложится серьезная задача не только выковать классовое самосознание у нашей армии советских машини-

сток и стенографов, но и революционизировать сознание наших зарубежных товарищей, вовлекая их на путь борьбы с капиталом и всячески помогая им в этой борьбе. Одним из видов этой помощи является широкая информация тружениц Запада о тех условиях труда, о тех общественных начинаниях, которые проводятся в СССР, в стране строящегося социализма.

Помещая ниже письмо, полученное нами от чехо-словацкой канцработницы и посылая, в свою очередь, в одну из левых зарубежных газет письмо машинистки Центрсоюза, рассказывающее о происходящем у нас в СССР социалистическом соревновании, — мы делаем начин в области УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ РАБОКОВОЙ СВЯЗИ между нашими читателями и стенографистками капиталистических стран.

Редакция надеется, что наши читатели и корреспонденты примут самое горячее участие в переписке с нашими зарубежными товарищами, присылая для этого письма в адрес редакции.

Письмо из Праги

Дорогие товарищи!

Несколько лет я работаю в Праге, в частном предприятии в качестве канцеляристки и хочу сейчас попытаться вкратце описать условия, в которых мы живем. Подчеркиваю, что мне знакомы условия жизни только в Праге, а они несколько отличаются от условий в других местах нашей республики.

В канцеляриях адвокатов и других частных учреждениях работает преимущественно женский персонал. Вследствие того, что тысячи и тысячи женщин по окончании школ стремятся попасть в канцелярии или магазины, всюду чувствуется избыток рабочих рук, что влечет за собой понижение заработной платы. Благодаря рационализации и введению новых машин, из года в год увеличивается безработица.

В Праге от канцелярской служащей требуется знание чешского и немецкого языков, чешской и немецкой корреспонденции, машинописи и стенографии. Обладая этими познаниями, можно получить приличный оклад. Без знания обоих языков приходится довольствоваться тем, что предлагает предприниматель. Шовинистское воспитание

делает то, что подрастающая молодежь, большей частью, знает только один из этих языков.

В Чехо-Словакии существует закон о 8-часовом рабочем дне, но соблюдают его лишь в редких случаях; в особенности мелкие учреждения и канцелярии заставляют работать сверхурочно и без особого вознаграждения.

Что касается самих женщин, служащих в канцеляриях, то я разделила бы их на три категории, а именно:

1. Живущие дома у родителей; им живется относительно сносно, благодаря поддержке родителей. Они более независимы и не вынуждены хвататься за первое попавшееся место. Иногда, благодаря протекции родственников, они даже устраиваются в предприятиях, которые хорошо платят служащим.

Нередко это дочери зажиточных родителей, так что зарабатываемые ими деньги они тратят исключительно на себя, т. е. на одежду, развлечения и т. д. В случае экономической борьбы из их среды рекрутируется большинство штрейкбрехеров.

2. Большинство служащих в частных учреждениях приезжает в Прагу из провин-

ции. Здесь они совершенно чужие и им приходится рассчитывать только на самих себя. Квартирный вопрос ложится на них тяжелым бременем. В Праге довольно трудно найти дешевую, приличную комнату. Обычно живут по 2—4 человека в одной комнате, не имеющей никаких удобств, а неприглядность квартирных хозяек заставляет проводить все свободное время вне дома. Пища также оставляет желать много лучшего. Рестораны не отвечают современным требованиям. Это жалкие харчевни, которые дают дешевые, но невкусные, несытные и непитательные обеды и ужины.

Из-за отсутствия самых необходимых удобств многие служащие портят себе здоровье. Неврастения и туберкулез между ними очень распространены. Общественной для женщин чрезвычайно мало. Самое лучшее из них — У. В. Ц. И. — вмещает всего несколько сот женщин, что, конечно, недостаточно.

3. К 3-й категории я бы причислила замужних женщин, число которых все более и более увеличивается. Этой категории служащих обычно платят хуже, чем незамужним на том основании, что их-де содержат мужья. Им же приходится только под-

держивать хозяйство своим заработком, поэтому они должны довольствоваться нищенской подачкой за свой тяжелый труд. После работы в канцеляриях их еще ждет работа по хозяйству.

Что касается образа мышления наших служащих женщин, то я должна подчеркнуть, что психология у них буржуазная, что часто они не имеют никаких убеждений и совсем не задумываются над причинами плохих условий своей жизни. Они бессознательно считают себя принадлежащими к «лучшему классу» и в борьбу их можно втянуть только тогда, когда дело идет об улучшении их материального положения. Идеологическая борьба им чужда, вследствие их невежества. Красивая одежда и внешняя элегантность часто куплены ценою голода и лишений. Все же возрастающая рационализация влияет на них в том смысле, что и они начинают уже восставать против своих работодателей.

Пишите нам, дорогие товарищи, об условиях женского труда в СССР. Я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, если вас интересует еще что-нибудь из нашей жизни.

Роза Х.

„Требуется белокурая стенографистка“

(Положение стенографисток в Австрии)

Развитие промышленности и установка всего хозяйства Австрии на торговлю и транзит сконцентрировали в Вене большое количество квалифицированной коммерческой силы. Падение монархии и инфляция создали новые экономические основы для развития страны. С одной стороны, происходит скачкообразная концентрация капитала под контролем иностранного финансового капитала; с другой стороны, не только относительно, но и абсолютно возрастает обнищание трудящихся масс.

Многие тысячи государственных служащих стали излишними, так как новое государство вместо прежних 34 миллионов населения, насчитывает теперь только 6. Вместе с тем число частных служащих заметно увеличилось в связи с крахом мелкой буржуазии: быстро пролетаризовавшись после инфляции, молодежь, принадлежащая к этой группе, изменила курс и начала учиться стенографии и машинке. Знание одного-двух языков большинство из них вынесло из средней школы.

Естественно, что эта категория работников, не входящая ни в какую организацию и настроенная мелкобуржуазно, оказалась для предпринимателей более желательной, чем прежние служащие. Но тем тяжелее отзывался на ней гнет предпринимателей и тем ниже были ставки ее зарплаты. Предприниматели считали оплату ее труда как бы «карманными» деньгами, некоторым приработком на платья и обувь.

Только очень постепенно начали и эти служащие становиться на путь классовой борьбы. Конечно, имеются стенографистки, вроде служащих в Торговой секции профес-

сиональной торговой камеры, которые оплачиваются относительно хорошо. Большинство, однако, принадлежит к группе служащих с самым низким заработком.

Еще хуже обстоит дело с присканием работы. Бюро труда служащих (паритетное) получает от предпринимателей такие требования: «Требуется начинающая (окончившая школу) стенографистка, белокурая, с голубыми глазами». От «начинающей», конечно, потребуется производительность труда, равняющаяся производительности труда высококвалифицированной служащей, при неоплачиваемых сверхурочных и при 80—120 шилл. жалованья (22—34 руб.).

Какого рода услуги от нее потребуются еще — ясно из приведенного выше официального требования.

В общем — это рынок рабов, организованный бюрократами «свободных» профсоюзов. «Вас использовать мы не можем», говорит служащий бюро труда маленькой безработной: «требуется стройная, полная стенографистка, а вы слишком худы»...

Безработная знает, что ее ожидает: голод при 10-часовой ежедневной работе и проституция или же новая безработица.

И иногда случается, что длительная безработица вынуждает стенографистку итти на работу на любых условиях.

Стенографистки, которые часто занимают ответственные посты секретарей в магазинах и конторах, все же оплачиваются чрезвычайно плохо и, кроме того, совершенно не защищены от произвола и личных требований владельцев или директоров предприятий.

Франц Норичонер.

„Пробуждение стенографисток“

Стенографистки-машинистки Парижа имеют, наконец, свой собственный революционный печатный орган.

Журналы по вопросам стенографии и машинописи выходят, конечно, в разных странах, в том числе и во Франции, и в большом количестве. Но что это за журналы, о чем они пишут? Только о конкурсах на лучшую стенографистку-машинистку, проводимых в различных местах, о «высоких особах», посетивших тот или иной конкурс или журнал, с обязательным помещением портрета, различные новости и сплетни из мира стенографисток и машинисток, несколько статей о новых рационализированных методах машинописи и стенографии и т. д. Вопросы о защите труда этой категории работников, об их нуждах, об их требованиях, конечно, и не поднимаются на страницах этих журналов, не говоря уже о классовом подходе к этим вопросам. Вот почему особенно важен и знаменателен выход этого первого, пожалуй, в капиталистических странах революционного, классового органа машинисток и стенографисток Франции.

Правда, судя по первым выпущенным номерам, это пока еще скромный бюллетень, выходящий приложением к газете «Интер-Магазин» (орган унитарного революционного союза торговых служащих Франции). Но, несмотря на свой скромный вид, юный отпрыск «Интер-Магазина» ставит себе задачей стать боевым органом тружениц стенографии и машинописи, защищающим их требования, нужды и классовые интересы и помогающим им привести себя в боевую готовность, чтобы в нужный момент стать в ряды революционных трудящихся Франции, отстаивающих свое право на лучшую жизнь.

Первой своей задачей, как объясняет передовая первого номера, «Пробуждение стенографисток» (название журнала) ставит пробуждение классового самосознания своих читательниц, осознание ими своих прав и необходимости объединиться в союз для борьбы против хозяйской эксплуатации. Передовая справедливо указывает, что лучшие пути для достижения успеха — это

сотрудничество в журнале всех работниц этой отрасли труда.

Так как громадное большинство стенографисток не организовано в союзы, журнал объясняет им в простых и ясных выражениях, что такое профсоюз, какие им преследуются цели, почему нет иного пути, кроме союза, для борьбы с жесточайшей эксплуатацией и обращается к ним с призывом организовать для совместной борьбы за лучшее будущее.

Большой отдел отведен в журнале корреспонденциям рабкорок. Глубокое впечатление производят их бесхитростные и простые слова. Одна из них, например, рассказывает о своей работе, о методах рационализации, доводящих машинисток до прострации, о попытках хозяев урезать и без того жалкий минимум зарплаты, едва дающий возможность перебиваться, даже живущей в семье работнице.

«750 франков в месяц» (49 рублей), пишет эта корреспондентка, «ведь этого может хватить в Париже только на полугодное существование и то при условии строжайшей экономии, если при этом не болеть, не быть безработной, не мечтать о театре и кино и не обольщаться сумасшедшей надеждой сберечь что-нибудь на старость». (Трудящимся Франции, как и других капиталистических стран, и во сне не снится пособие по временной нетрудоспособности, пенсия по инвалидности и т. п. завоевания Октябрьской революции).

В обращении к своим читательницам журнал призывает всех тружениц, безразлично — организованы ли они или нет, объединиться вокруг своего органа и освещать на его страницах условия своей работы и те притеснения, которые женщинам в условиях капиталистического режима приходится переносить еще в гораздо большей степени, чем мужчинам.

Надо надеяться, что стенографистки Франции поймут все значение и ценность этого, действительно, «своего» органа и осознают, что только путем организации в единый мощный союз они сумеют, вместе с другими трудящимися, отстаивать свои права.

Израилевич.

По следам заметок

В связи со статьей в № 11 об оплате машинисток, применяющих иностранные языки, Наркомтруд СССР признал необходимым повысить оплату таких машинисток и установил для них 2 оклада по госнормированным учреждениям — в 85 и 100 руб. в зависимости от окладов машинисток в данном учреждении и степени применения иностранного языка или языков.

Это даст возможность в учреждениях, где машинистка получает 65 или 75 руб., установить для машинистки, систематически применяющей один иностранный язык, 85 руб., применяющей несколько языков — 100 руб.

В учреждениях, где обычная машинистка получает 85—90 руб., — машинистка, систематически применяющая иностранный язык, должна получать 100 руб.

Установление этих 2 окладов, несомненно, улучшит оплату машинисток, применяющих иностранные языки. Однако, редакция считает, что более правильным было бы установление не окладов, а определенных надбавок к установленным в учреждениях окладам машинисток (например, за систематическое применение каждого

языка прибавляется 10 рублей), как это предлагает ЦК и/союза для хозрасчетных учреждений.

В заметке «Рублем подарили» в № 10 журнала машинистки Метартельсоюза (Нижегородской губ.) указывали, что при общем подтягивании зарплаты служащим им прибавили всего 1 рубль.

Администрация и местком сообщают, что с 1/VII зарплата машинисток повышена до 55 р., т. е. на 4 руб.

В заметке № 10 «Изменить расписание» указывалось, что завком сахарного завода в Бобровицах работает лишь в часы занятий на заводе, что плохо отражается на общественной работе рабочих и служащих завода.

В связи с заметкой завком устанавливает вечерние дежурства членов завкома и комиссий, делегатов и др.

Таким образом, благодаря сознательному отношению и правильной заметке одной машинистки улучшается обслуживание союзом всей массы рабочих и служащих целого завода.

Машинистки ЦК металлистов украшают свое машиборо к XII Октябрю

Редакционная коллегия: Р. Векман, Р. Глокман, А. Мистеров, Ф. Сапронова, А. Тихомирова, П. Уралов и Н. Фалеев.

Ответственный редактор Р. Векман.

Издатель ЦК ССТС.